

Виктор Мельников

СЦЕНЫ НАСИЛИЯ

Виктор Мельников

Сцены насилия

«Издательские решения»

Мельников В.

Сцены насилия / В. Мельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934678-0

В книге представлены рассказы и эссе, связанные одной темой: социальная принадлежность и социальное неравенство. Подходы к теме отличаются свойственной авторской манере: крайней резкостью и категоричностью, но критерий один — всё в мире взаимосвязано. Грозящего «социального апокалипсиса» можно избежать, если, наконец, каждый осознает, что страна для всех одна, мы единое целое государство. Однако предупреждает, «запах пороха витает в воздухе, недовольство растёт, может полыхнуть пожар».

ISBN 978-5-44-934678-0

© Мельников В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Мужество	6
Три часа назад	6
Вчера	6
Восемь дней назад	7
Десять дней назад	9
Месяц назад	9
Три часа назад	10
Дозы	12
На втором плане	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сцены насилия

Виктор Мельников

© Виктор Мельников, 2018

ISBN 978-5-4493-4678-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Мужество

Жизнь человеческая вообще так сложна, что жизнь отдельного человека ни черта не стоит.

Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка».

Три часа назад

На столе рядом с принтером стояла полупустая бутылка водки, стакан. Рядом с компьютерной мышью лежал Орден Мужества.

– Я устала жить с тобой, мне было неудобно, – написала Яна. – Я не там, где ты думаешь. В Москве. У меня всё хорошо.

Её сообщение через mail.ru агент подобно контрольному выстрелу в голову лишило Василия последних оставшихся чувств к этой когда-то любимой женщине. Она осталась в прошлом, которое теперь хотелось забыть. Навсегда. Как и многое другое. Но платье её одно тут, забыла. А туловище потерялось. Как и голова.

Он выключил компьютер, закурил.

На том всё и закончилось. Могло бы сложиться иначе, но теперь уже поздно.

Бог да город, чёрт да деревня. Посредине пустая дорога.

Всё начинается с пустоты. Пустота всегда должна быть чем-то заполнена.

В душной разноцветной комнате повисла тишина. И пустота заполнилась тишиной. Несколько минут Василий сидел в кресле и не шевелился. Пока тлевшая сигарета не обожгла ему пальцы. Секундная боль – и вот ветер бьётся в стекло, автомобильные сигналы слышатся внизу.

Василий хлопнул по столу ладонью, пустой гранёный стакан свалился на пол, разбился. Смирение не должно родиться. Мощная рука подобрала Орден Мужества.

Василий вышел на балкон и, недолго думая, швырнул награду вниз.

Вдали митинговали.

Он посмотрел вниз. Девятый этаж. Вдруг страшно ему стало. Никогда страшно так не было. И он сделал шаг назад.

Вчера

Сергей часто заходил к Василию, чтобы вместе выпить пару-тройку бутылок пива. Или пузырь водки. Как масть пойдёт. Яна всегда говорила о Сергее, пьяница, пьяница – этим Василию все уши прожужжала. На что слышала в ответ, я – давно пьяница, а он ко мне тянется, друг за друга мы не в ответе. Не на войне.

В этот раз он был не один. Вику он знал, разведенная женщина, мать двоих детей, без ума от Сергея. Они встречались, но Сергей не давал Вике повода на что-то большее, просто секс. Вторую девушку звали Оля. Василий видел её впервые. Она выглядела очень хорошо, натуральная блондинка, фигурка, но лёгкие морщины вокруг глаз выдавали возраст ближе к сорока.

В шашлычной зазвучала песня «Чёрные глаза». Несколько столиков заняты.

– Я люблю ананасовый сок, а моя подруга – персиковый. Но когда мы встречаемся – мы пьём водку, – сказала Оля.

Намёк был понят. Заказали водки.

Василий пожирал Олю глазами. Она сидела напротив.

– Знакомься ближе, – сказал Сергей, обращаясь к Оле. И добавил, глядя на Василия: – Никак свою бывшую Яну забыть не может.

Сергей никогда не понимал, что в доме повешенного не говорят о верёвке. Хотя с другой стороны Василий давно привык к прямоте Сергея, и его словам мало придавал значения.

– Сейчас забудет, плесни-ка, – сказала она Василию. – Есть повод. – Щёлкнула пальцами правой руки: – Официант!

Подошла девушка.

– Принесите, пожалуйста, банан.

Пока выполнялся заказ, Оля сказала:

– Я родом с острова Шикотан. Там бананы не растут, конечно, но девушки с этого острова умеют то, чего не может, к примеру, Вика.

– Чёрт побери, ты абсолютно права, подруга! – воскликнула Вика и засмеялась во весь голос.

– Яна, наверно, тоже отдыхала, но не на острове, где я родилась, – Оля вела себя как захватчик. Васе это нравилось.

Официант принесла банан, Оля взяла его в правую руку, провела языком по самому кончику, затем зубами осторожно очистила кожуру. Всё это время она смотрела Василию в глаза. Затем медленно стала сосать белую плоть, заглатывая всё глубже, глубже... и глубже. До самой жёлтой кожуры, свисавшей с руки. Василий почувствовал эрекцию. Он вспомнил стишок:

*В каждой хорошенькой девушке,
В каждой застенчивой лапушке,
Могут быть где-то упрятаны
Блядские гены прабабушки.*

Вынув банан изо рта, Оля откусила его и дала откусить Василию. Он повиновался, за всем этим действием для него прослеживалось продолжение. В этот момент послышались аплодисменты с соседнего столика. Аплодировали кавказцы. Делали они это вызывающе. Нарочито медленно.

На сцене серьёзных битв не бывает. Василий встал из-за стола и врезал одному из них в лицо. В полсилы. Завязалась драка.

Мир не создан из одних удовольствий, скажем так. То, что Василия привело к гневу – было в нём самом, было, наверняка, и у пострадавшего. То, что он увидел и почувствовал до этого, – это было необходимо ему и заранее предназначалось. Но агрессия лишила его самого необходимого на тот момент: женской ласки.

Остаток ночи он провёл в отделении полиции.

Восемь дней назад

Василий, казалось, не пьянел. Он продолжал оставаться разумным человеком и, самое главное, мог понимать сам.

– Я не жалею, что родился в это дурацкое время, – сказал он. – Меня судьба уберегла. Хотя могли убить.

Он налил себе и Сашке, собутыльнику, который внимательно его слушал. Василий был в гостях. Ему хотелось выговориться. Иногда такое случалось.

– Та война, первая, не облагораживала солдат. И я в ней участвовал.

Сашка поднял рюмку, выпили молча.

– Я слышал, тебя, Вася, государственной наградой наградили, Орденом Мужества, – Сашка взял инициативу на себя, налил водки ещё, не делая большого промежутка между очередной рюмкой... он сбился со счёту и чувствовал, настал тот момент, чтобы услышать Василия.

– Было...

– Интересно, просто.

Василий на него посмотрел внимательно, удостоверившись, что это не праздный интерес, глянул потом на остатки в бутылке, сказал:

– Давай выпьем снова храброй.

– За тебя!

Осушив рюмку, Василий сосредоточился.

– Некоторые события обязаны быть смешаны с этой вот дрянью, – он показал рукой на водку, – чтобы не такими трагическими представлялись. Мы, Саня, были вооружены по максимуму, пистолеты, автоматы, пулемёты. И водка. Без неё никак. Еды не хватало, а водка всегда была. Командир взвода, старший лейтенант Клименко, смотрел сквозь пальцы на то, как мы пьём. Он сам вместе с нами выпивал. В прошлом боец ОМОНа – Клименко уволили за пьянку, что было неподтверждённым слухом. Снайпер Игорь, тоже контрактник, как и я, дружок мой, не отставал, так же любил выпить. Солдатам срочной службы не наливали, кстати. Вечно чумазые, их легко можно было отличить от контрактников, они не следили за собой. О чём говорить – правильно? – если б я им наливал и вместе пил, верно? – Василий сделал паузу, задумался.

Санёк согласился. Он не мог не согласиться, так как первую войну напоминал ему дядька, Герой России, Булгаков Владимир Васильевич, которому генерал-полковник Геннадий Трошев дал очень лестную характеристику в своей книге: «Его мощная, крепкая фигура, громовой голос, преждевременная седина, характерные морщины на лице (словно высеченном из камня) создают образ старого рубаки-генерала, прошедшего через множество военных испытаний». Именно напоминал, потому что Владимир Васильевич был не разговорчив, лишь эмоции и гримасы на лице выдавали его, когда за семейным столом он малость перебирал водки и уходил как бы от действительности, возвращаясь туда, где воевал.

– Порой срочники не знали, какое сегодня число, спрашивали, – продолжил Василий. – А я шутил, как днюха будет, скажу, нальёшь потом. В армии ценят юмор. Особенно чёрный, – Василий улыбнулся. – Кто-то написал в письме, было, типа того: мама, пишу тебе на сапоге погибшего друга. Извини за плохой почерк, он ещё дёргается. И если кто-то б пошутил вот так, мол, в городе вино и бабы, вперёд – Грозный взяли сразу, немедленно на одном «Ура!»

Санёк уточнил:

– Орден-то за что дали? Не за чёрный юмор и пьянство?

– Не держи стаканы пустыми, лей!

Они выпили, Василий продолжил рассказ:

– В тот вечер сидели в палатке. Как обычно, бухали. Забегает Клименко, говорит, подорвались, в километре от нас бой идёт!.. Хватаем оружие, я ещё водку хватаю, прыгаем в БТР. Едем. Игорь по каске сверху стучит, как в незнакомую дверь, наливай. Мы с ним ёбнули. Клименко с нами. И вот уже выпрыгиваем с БТР, со всех сторон – шквал огня, момент истины. Граната от РПГ где-то рядом взорвалась. Я упал на землю, лежу. Все лежат. Огонь был таким сильным, что невозможно поднять голову. Повсюду, казалось, слышались крики и стоны раненых. Ну, думаю, хана. Лишь бы без паники. А перед глазами, Санёк, прошлая жизнь мелькает. Кадров мало, но они все яркие такие... И здесь меня переклинило, водка, наверно, под зад дала. Я быстро вскочил на ноги, подбежал к одному раненому, схватил, затащил в БТР. Кто-

то мне крикнул: «Идиот! Убьют!» Но я уже тащил второго. Когда бежал за третьим, крикнул, как бы между прочим, всё равно никто не услышал, блядь, замолчите, хватит стрелять! И вдруг тишина, Санёк! С той и другой стороны. Секунд на десять. А для меня и для тех, кто попал в засаду, – целая вечность, чтобы успеть. Я хватаю раненого, несу на броню. Механику говорю, поехали. Он мне – шансов вернуться мало. А я ему, поехали! И нам повезло... Вернулись: спасли и спаслись. Через месяц, наверное, я попал в госпиталь. В Моздок. Так, лёгкое ранение ляжки, шальная пуля. Дня через три полковник заходит и свита штабных, вручают орден, благодарят. И полковник спрашивает, как это мне удалось спасти троих ребят? А я ему возьми да скажи ему: «Это не я, а храбрая водка выручила». Видно, он ничего не понял. С тех пор я водку храброй называю. Она помогает, и тогда помогала: дрожь унять, жалость к чеченцам заглушить, которая оборачивалась гибелью наших солдат, и в то же время проявить себя простой надписью на стене: «Чичи! Вам пиздец!» И никакой торжественности, Саня...

Десять дней назад

Жизнь даёт то, что ожидаешь от неё получить, а не то, чего хочешь.

Комнату наполнял тошнотворный сладковатый запах разлагающегося трупа, который пролежал в квартире, если верить бумаге, более двух дней. Василий открыл окно, вышел в подъезд, оставив дверь открытой, чтобы дать помещению проветриться. Закурил. Затем вернулся в ненавистную ему комнату.

Напарник ходил за ним по пятам. Василий грозно посмотрел на него: сейчас Андрей был не просто неприятен ему, как эта вонь, он стал ему ненавистен.

Василий перевёл взгляд на то место, где когда-то лежал покойник (говорили, молодая девушка, убита сожителем), – полиция труп забрала, а **мокрое место** осталось, – задержал дыхание. Он понимал, что ему всё равно придётся мыть квартиру, работа у него такая. А Андрей, как назло, забыл респираторы.

– Что прикажешь делать, Андрюша? Вонюху эту нюхать? Ну, напарник достался!

Андрей молчал. Он чувствовал за собой свою вину. Работа – ужас, конечно, но за неё хорошо платят.

Василий вытащил из сумки бутылки со специальными моющими средствами. Ещё раз взглянул на **мокрое место** и, как будто в первый раз, на короткое мгновение застыл в растерянности, с чего начать, что делать?.. Решение пересечь шлагбаум как условное препятствие должно быть принято немедленно. Такая возможность даётся после внутреннего соглашения с самим собой. А зрелище, подобное этому, могло стать той последней каплей, которая переполнит чашу терпения и заставит гнев вырваться наружу – и тогда Василий не сможет себя контролировать.

Так почти и произошло. Он снял резиновые перчатки с рук, швырнул на пол, оттолкнул Андрея от себя плечом, сказал:

– Сам помоешь! – И ушёл.

Андрей легко отделался: ушиб плеча и уборка квартиры в гордом одиночестве.

А Василий на следующий день был уволен с грязной, но высокооплачиваемой работы. Шеф не любил импульсивных людей.

Шлагбаум открылся за Василием. Но запах разлагающихся трупов впитался, застрял в памяти навечно, не проветришь.

Месяц назад

Яны не было дома. Василий открыл дверь квартиры и не сразу понял, что случилось. Сначала он решил, воры. Вынесли вещи. Кругом бардак: мусор, пыль, старые газеты на пар-

кете. Видно, воры торопились. Но, когда стал осматривать шкафы, пропали не только деньги и золотые украшения, но и гардероб жены – весь, а вместе с ним его личные фотографии, в том числе сделанные в Чечне.

В ванной комнате, куда Василий зашёл в последнюю очередь, губной помадой на зеркале было написано почерком Яны «не звони, я сменила номер».

Естественно, он позвонил. Безрезультатно.

Внутри закипела ярость. Но он оставался внешне спокойным.

Во всей этой истории Василий переживал больше всего за фотографии. Он понял, что она хотела вычеркнуть себя из его памяти навсегда. И второпях, чтобы не перебирать фотокарточки и альбомы, не терять время, – всё забрала с собой. Либо уничтожила...

– Изменщица, – взревел Василий стенам и потолку. – Расстрелять!

Он вспомнил, как после понесённых потерь все были озлоблены. С разведки вернулись казаки, привели двух пленных.

Допрос прошёл жестоко. Один из боевиков был местный, вёл себя достойно. Вторым, к всеобщему удивлению, оказался русским наёмником. Сукой, одним словом. Для него приговор был один. Его привели в исполнение сразу после допроса...

Молния в сознании – и он уже здесь, дома...

Семейное болото затягивает, тонешь в нём. Жертв может быть одна, а может – и две. Жену, конечно, кто-то соблазнил, как соблазнили того наёмника, деньгами ли, идеей; Яну – может, любовью, но суть дела это не меняет, решил Василий.

Ему захотелось выпить, но в кармане не было денег даже на бутылку пива. Он позвонил Сергею.

Оставаясь человеком военным, то есть ограниченным, в хорошем смысле этого слова, Василий видел лишь то, что понимал, поэтому, выпивая, не мог учесть всех обстоятельств, происшедших с ним, говорил Сергею то, что думал.

Но его можно было детально рассмотреть в этот момент. Сергей прилагал усилия и выслушивал одну и ту же хрень несколько часов подряд. Он осознавал, что есть события, происходящие помимо человеческой воли, их нельзя предвидеть, и никто не несёт за них ответственности.

– Забудь о ней, – сказал он другу. – Забудь, и всё! Время лечит.

– Не говори, что время лечит, – возразил Василий. – Наоборот. Автобусный маршрут в первую Чеченскую компанию никто не заказывал из нас, и чем дальше по времени от тех событий я отодвигаюсь, тем выше моя плата за тот проезд. И ни один человек не сможет оплатить вместо меня стоимость того билета. То же самое – и сейчас. Разницы я не вижу.

– Нет, Вася, – сказал Сергей. – Контрактником ты был, с билетом на руках, маршрут ты знал, не оправдывайся. Семейные сети ласковые, добровольные. Я замечаю, ты чувствуешь свою долю вины. Это нормально...

– И ты туда же...

– Я не о войне, а о тебе. Жена разрушила старую жизнь. Вот и построй новую. Сможешь?

Василий ничего не ответил. Его восприятие жизни было отрицательным, а то, что жизнь сама по себе ни плоха, ни хороша, он не знал.

Три часа назад

Вдали митинговали, санкционированная истерика. Было слышно, как на рок-концерте, кто-то надрывался в микрофон, а толпа поддакивала:

– *Привет бандерлогам от сетевых хомячков! Такая странная штука: бандерлогов звали, и они пришли. А где тот парень, который звал? Где тот, кто улыбался с экрана и ухмылялся – где этот человек? Вы его видите? – Нееееет!!! – Он здесь? – Неее-*

еет!!! – Возможно, просто во времена Киплинга не было телевизора. Тогда бы сразу было понятно, кто здесь питон, а кто маленький трусливый шакал. А сейчас они с помощью своего зомбящика пытаются сказать нам, что они действительно большие и страшные звери. Но мы знаем, кто они – маленькие, трусливые шакалы. Это так или нет? – Дааааа! – Да или нет? – Дааааа!

Василий посмотрел вниз. Вдруг страшно ему стало. Никогда страшно так не было. И он сделал шаг назад. Самая лёгкая смерть – упасть с высоты или выстрелить себе в висок. Но храбрость исчезла вместе с Орденом Мужества.

Одевшись, Василий спустился в лифте, попытался найти награду. Он видел, куда упал Орден. Но его там не было. Неужели подобрали?

– Привет! – раздался женский голос за Васиной спиной. Он был так знаком ему. Вася медленно обернулся. – Случайно не эту медальку ищешь? – это была Оля. – На, возьми, не разбрасывайся такими дорогими вещами.

Он забрал награду, спрятал в карман.

– Мне кажется, я проявила мужество, чтобы зайти к тебе. Чего стоишь, как карандаш в стакане? В гости я пришла! И бананов купила, которые ты любишь...

– Судьба зашла в мой тёмный лес, – молвил Василий.

– Чегоооо?

– Красавица, я говорю, бананы пошли есть, я рад тебя видеть! – оживился Вася и обнял Олю за плечи. – Идём.

Дозы

В гости к Магеру я захожу не часто. По необходимости. Случайно, если так выразиться. А коль захожу, то только для того, чтобы убить время. Такое убийство, конечно, ничего не решает. Но само решение заслуживает уважения. Иногда хочется расслабиться.

Чтобы попасть к нему домой следует позвонить на сотовый телефон. Магер может шлаться где угодно. И часто висеть на телефоне, общаться с какой-нибудь очередной кисой.

В этот раз повезло. Я дозваниваюсь почти сразу.

– Что делаешь?

– Привет, Седой!

– Здоров! Не занят?

– Дома.

– Я зайду?

– Приходи.

– Что взять?

– Что-нибудь. Я с подругой.

– С Викой?

– Нет, её ты не знаешь.

Отключаю трубку. Безделье – для себя. Всё остальное – для баб. Правильно, верно.

Приходит ММС. На фото Магер с кисой. Ага, меня веселят смешными рожами, делая селфи.

В супермаркете покупаю дозу смерти. И беру четыре дозы жизни. На троих достаточно. Умирать никто не собирается.

В кассу очередь. Я думаю, почему смерть стоит дешевле, чем жизнь? Должно быть наоборот...

– Эгей, – говорит кассирша. Она останавливает ход моих мыслей.

Я расплачиваюсь.

Денег в кармане не густо. Выхожу из супермаркета. Где взять? Заработать? Выиграть? Попросить у бога? Нет, лучше украсть, а после попросить прощения у Всевышнего... Верно, простит.

Так и поступаю.

Возвращаюсь в супермаркет. Краду. Дозу жизни, две дозы смерти. Прячу под плащом. Вроде не видно.

На выходе никто на меня не обращает внимания.

По пути стоит церквушка. Иду во двор. Тихо здесь. Наверное, если записать тишину и врубить на полную громкость – можно свихнуться умом! Не от децибелов, а от тихо сказанных скабрёзных слов. В свой адрес. А после оглохнуть.

Захожу в церковь. Крещусь, кланяюсь, ухожу.

О боге нельзя судить по людям, которые в него верят. Все мы разные. А он – один. И его явно не хватает. Когда-нибудь ему найдут рациональное, научное объяснение, и верить мы в него не будем, а станем понимать. Пока что физики сумели доказать лишь, что частица бога есть. Остаётся определиться, чей бог к этой частице относится. Как только философы, или кто-то другой, это сделают – безусловно, разразится третья мировая война.

Мир... Ломается даже то, что не работает.

Но я верю. Мой мелкий грех несравним с масштабами глобальной войны.

В парке кто-то принимает дозу смерти. Без дозы жизни. Запивает водой. Появляются блюстители правопорядка.

Разговор длится не долго. Оправдаться не получается.

Менты забирают всех троих, увозят в участок.

Жить в постоянном стрессе и не принимать дозу – быть больным человеком. Люди в погонах не внушают доверия. Я сочувствую алкоголикам, их оштрафуют. Никто этот штраф никогда не заплатит. Вскоре каждый из них отсидит по пятнадцать суток. А потом они снова соберутся вместе...

Выхожу из парка.

Взять такси?

Решаю идти пешком. Засиделся дома, лучше пройдуся.

На пешеходном переходе какой-то автомобиль сбивает человека. Его отбрасывает к обочине. Он мёртв, мне кажется. Автомобиль скрывается. Я запоминаю номер, звоню в участок.

На месте происшествия остаюсь ненадолго. Пострадавший жив. Слава богу! Кто-то успевает вызвать скорую помощь.

Иду дальше по центральной улице. Людей не много – куда все подевались? Странно. День-то выходной.

В пачке остаётся пять доз смерти.

Останавливаюсь возле урны, на которой написано «место для смерти».

Девушка стреляет дозу, оправдывается:

– Дома забыла.

В коляске ребёнок.

– Мальчик?

– Девочка.

– Как зовут?

– Аня.

– Мне нравится имя Анна, – говорю.

– Муж хотел так назвать. Я собиралась дать ей имя Элеонора. Но мужа не стало за несколько дней до рождения дочки. Его полоса неудач оборвалась. Назвала, как он просил.

Она замолкает. Внешне я остаюсь равнодушным, иду своей дорогой дальше.

Сворачиваю в переулок, чтобы сократить путь.

Возле помойных баков дерутся две собаки. Пять или шесть смотрят на них. Ждут, чем всё кончится.

Прохожу мимо, один кобель рычит на меня.

– Цыц!

Рык усиливается.

Ускоряю шаг.

Чёрный кот перебегает дорогу. Раздумываю, что делать?

Поворачиваю обратно.

Один из дравшихся псов ебёт маленькую сучку. Остальные наблюдают.

Решаю поторопиться. Остаток пути проехать на автобусе.

На остановке стоит человека четыре. Кто-то кому-то рассказывает:

– ...никто не хочет говорить правду. Одни потому, что не знают этой правды. Другие – потому что боятся. Но самое ужасное в том, что некоторые знают – и молчат! Не потому, что боятся, а, просто, им всё равно. Безразлично. С этого они снимают дивиденды.

Сажусь в автобус. Пассажиров не много.

Выхожу через три остановки.

Звонит Магер:

– Ну, ты где?

– Возле твоего дома.

– Всё взял?

– Не волнуйся.

Меня встречает незнакомая киса. Она в коротком халатике. На лице усталость. Я отдаю ей купленные и украденные дозы.

Прохожу в комнату.

Показывает телевизор. Передают новости. Говорит президент:

«Сегодня, в условиях непростой международной и экономической обстановки, эффективная, ориентированная на практические результаты работа Министерства иностранных дел, генконсульств и других министерств России приобретает особое значение...»

– Заходи, присаживайся, – приглашает Магер. Он лежит на диване, смотрит телевизор.

Я сажусь в кресло.

Киса пододвигает столик на колёсиках ближе ко мне. Чтобы было удобней.

– Как дела?

– Лучше не спрашивай.

Я замолкаю, смотрю в экран телевизора.

«Центробанк России заложил в базовый сценарий цену на нефть 50 долларов. По прогнозам ЦРБ РФ нынешнее положение должно стабилизироваться, хотя можно предположить максимальную степень риска на уровне 50 долларов, а критическую – на уровне 40 долларов».

– Что скажешь, глядя на весь этот дурдом?

– Корни настоящего уходят глубоко в жопу прошлого, – отвечаю.

Магер молчит. Молчание знак согласия.

Киса накрывает на стол. Ложится рядом с Магером. Она немногословна, и это мне нравится. Красивая! Оказывается, женщины ртом могут не только минет делать, но и молчать.

Я разливаю дозы смерти.

– За что пьём? – спрашивает Магер.

Я встаю с кресла.

– Девушки прелестны! – говорю, а сам смотрю на кису. – Не замечать этого – быть влюблённым болваном.

– Поехали! – смеётся Магер.

У кисы на лице не отображается ни одной эмоции. Похуй!

Астрологи... Звёзды... С ними не поспоришь... Эпизод постановочный. Роли распределены.

– Поехали, – повторяю. И накатываю дозу.

Просыпаюсь в кресле. Еле живой.

Утро. Светает. Понимаю, спал как убитый. Умер вчера за столом.

Смотрю на диван. Магер и киса спят в обнимку. Дышат оба.

Жизнь пока преобладает над смертью.

Я одеваюсь, иду домой.

Оставшуюся дозу смерти прихватываю с собой из холодильника.

На втором плане

Как жить в мире, с которым ты совсем не согласен?.. Идти против течения? Или затаиться за кулисами и наблюдать оттуда? Но даже спрятавшись, я не стану довольным, ни единым днём своей жизни, ни единым сказанным словом. Уродство во мне, уродство вокруг. Самоотрицание. Тяга к самоуничтожению растёт медленно. И в то же время – существует надежда, она тоже прячется за кулисами, наблюдает, ждёт, что в одно прекрасное мгновение всё изменится, можно выйти из тени и показаться...

А кто-то идёт напролом. Это их выбор. Правильный ли?

В этой забегаловке подавали хорошее пиво. В последнее время я не пил водку, шалило сердце. А вот с почками, видимо, было всё зашибись, и я мог позволить себе пять-шесть кружек пива после работы.

Возвращаясь домой, я намеренно делал крюк, чтобы зайти в эту забегаловку.

Резя курил на улице. В последнее время внутри забегаловки курить запрещали.

Я подошёл, поздоровался. У Рези слезились глаза.

– Как дела?

Резя засмеялся. Он постоянно смеялся. Одних бодун озлобляет. Резю бодун веселил.

– Нормально, Витёк. Кошкин с женой поругался. Пошёл за водкой, – и вытер слёзы ладонью. Он забыл, видимо, носовой платок.

В забегаловке лили пиво. Водки не было. Но при определённых обстоятельствах, купив барменше шоколад, можно было раздавить бутылочку водки под пиво.

– С Олей, что ли? Она жена? Я думал – сожительница.

Кошкина я видел однажды с этой женщиной в забегаловке. Мы пили пиво вместе. У неё пахло изо рта парным молоком. Но всё равно было неприятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.